

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПРОБЛЕМЫ ПАДЕЖНОЙ ГРАММАТИКИ В ЯЗЫКАХ С РАЗВИТЫМ МОРФОЛОГИЧЕСКИМ СТРОЕМ*

Как в любой науке, в языкознании существуют вопросы и проблемы, которые вызывают полемику в научном мире. Такой научной проблемой в лингвистике является проблема падежей. В статье проанализированы исследования лингвистов XX века. Рассматриваются вопросы, которые являлись предметом исследования учёных: интерпретация понятия «падеж», количество и состав падежей, критерии их выделения, функции падежей.

Ключевые слова: падежная грамматика, развитая морфологическая структура, интерпретация термина «падеж», количество и структура падежей, критерия распределения функций.

Современное учение о падеже формировалось в течение определенного времени. Оно имеет историю развития. Традиции, без знания которых невозможно правильно понять тенденции развития учения о падеже в рамках общих теорий о языке.

Категория падежа является одной из важнейших категорий имени. У исследователей различных языков существуют разногласия о понимании данной категории, что имеет и теоретическое и практическое значение. Начинаются эти разногласия уже с интерпретации термина «падеж».

В Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) дано следующее определение категории падежа: «Падеж-это грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или высказывания в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории (конкретный падеж)» [Ярцева В.Н., 1990: 355-357].

В традиционном понимании падеж - это словоизменительная категория, которая реализуется через конкретный падеж, представляющий собой «специфическое для данного языка соответствие между набором синтаксических (или семантических) функций существительного и набором морфологических показателей» [Ярцева В.Н., 1990: 355-357]. Во внутренней структуре термина «падеж», который восходит к греческому ptosis и латинскому casus - падение, отражено словоизменение по падежам как иерархическая система форм. Главным, «исходным» или «прямым» в этой иерархии видится назывной падеж, а все остальные падежи являются отклонениями от него. Так, назывную функцию в языках номинативного строя выполняет «номинатив» (именительный падеж), а в языках эргативного строя - «абсолютив». Остальные парадигмы падежа квалифицируются как косвенные.

Однако, в современных грамматиках существуют и другие терминологические классификации падежей.

Что касается самого понятия «падеж», то и оно трактуется разными лингвистами по-своему. Дж. Лайонз (1932) в своей книге «Введение в теоретическую лингвистику» (1968) пишет: «Традиционное определение категории падеж для латинского, греческого (и других индоевропейских) языков фактически не содержит ничего, кроме следующей констатации: из двух словоизменительных категорий существительного одна есть число..., а другая - падеж» [Лайонз Дж., 1978:306]. И дальше он подтверждает вышесказанное, что смысл термина «падеж» «был сужен до одной конкретной словоизменительной катего-

* © Кузьмина И.А.

рии» [Лайонз Дж., 1978: 306].

Подобную точку зрения разделяет и датский лингвист Есперсен О. (1860 - 1943). В своей книге «Философия грамматики» (1924) он писал, что «падеж есть категория грамматическая (синтаксическая), а не понятийная» [Есперсен О., 2002: 212].

Языковеды Якобсон Р.О. (1896 - 1982) и Курилович Е. (1895 - 1979) не дают нам точных, однозначных формулировок определения понятия «падеж». Они выводят его опосредованно, через анализ значений функций падежей (ниже будут рассмотрены подробно учения о падеже указанных ученых).

Выдающийся советский языковед Виноградов В.В. (1895 - 1969) дает нам такое определение понятия «падеж»: «Падеж- это форма имени. Выражающая его отношение к другим словам в речи... В падежных формах имени существительного отражено понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [Виноградов В.В., 1947: 167].

При этом, данные связи характеризуют, по мнению Виноградова В.В., «семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений» [Виноградов В.В., 1947:167].

Говоря о формах и функциях падежей, Виноградов В.В. указывает, что семантика падежей определяются не только падежной формой, но и формой и значением управляющего и управляемого слов, а также семантикой предлога и глагола. О подобной реализации падежных значений он писал, что падежи «являются в большинстве случаев не формами простого, а формами соотношения. Зависимость падежа от глагола или другого имени мотивировано двусторонне - не только формой и значением управляемого слова, но и формой и значением самого падежа...» [Виноградов В.В., 1947:167], и что «формы и функции падежей соотносительно с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями» [Виноградов В.В., 1947:167].

Именно определение понятия «падеж», данное Виноградовым В.В., является наиболее семантически наполненным и дающим нам полное представление о том, что же такое «падеж».

Вклад Виноградова В.В. в изучении категории падежа не ограничился определением понятия «падеж». В своем фундаментальном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947) он привел полное описание падежной системы современного русского языка, проанализировал ее терминологию, раскрыл многообразие значений всех падежных форм.

Прежде чем приступить к описанию русской падежной системы, ученый рассмотрел значение падежей в рамках традиционного учения об их значениях.

Так, Виноградов В.В. указывает, что современная падежная терминология восходит к античной, являясь по его образному выражению, ее «осколком» [Виноградов В.В., 1947:168]. Это нашло своё отражение в наименовании некоторых падежей в русском языке.

Рассмотрим эти наименования:

- именительный падеж (*onomastike, nominativus*) как начальный падеж назывался прямым, в отличие от других, отклонившихся (от *klisis, declinato* - склонение), названных косвенными;

- родительный падеж (*genike, genitivus* - родовой) назван так потому, что иногда обозначал родовую принадлежность или происхождение;

- дательный падеж (*dotike, datives*) - в его названии отражена функция употребление его при глаголе давать - дать);

- винительный падеж (*accusativus*) - соответствует буквальному переводу с греческого языка *aitiatike* на латинский как *accusativ* -винительный;

- творительный падеж (*instrumentalis* - орудный) был введен в русскую грамматику Л. Зизанием в 1596 г.;

- предложный падеж был переименован из сказительного (ввел М. Смотрицкий в 1619 г.) М. Ломоносовым.

Виноградов отмечал, что западноевропейские языковеды выработали общие формулы, которые схематически очерчивают значения основных падежей.

Так, за родительным падежом они признают в приименном употреблении определенное значение («примечательное»), а в приглагольном употреблении он противопоставляется винительным, так как означает, что выраженное глаголом понятие относится или распространяется не ко всему объему имени.

В винительном падеже ставится то имя, которое «ближе всего и полнее всего затрагивается (*betroffen wird*) глагольным понятием» (Дельбрюк) [Виноградов В.В., 1947:168].

Дательный падеж обозначает, что выраженное именем или глаголом понятие имеет значение для другого предметного понятия, к нему направлено, ему предназначено.

Творительный падеж имеет «орудное», инструментальное значение. Падежи бывают приименные (именительный), приглагольные (родительный, дательный, винительный, творительный, предложный). Закрепленные определенные значения основных падежей сложились в индоевропейских языках исторически и, как справедливо отмечает Виноградов В.В., соглашаясь с Шахматовым А.А., «эти основные значения падежей обнаруживаются и сейчас» [Виноградов В.В., 1947:169].

Однако, рассматривая разные падежные формы русского языка, их многообразие, Виноградов В.В. писал, что выработанная сравнительно-исторической грамматикой абстрактная схема падежных значений вряд ли «может покрыть все разнообразие значений современных русских падежей» [Виноградов В.В., 1947: 169].

Подходя к изучению многообразия падежных форм современного русского языка Виноградов В.В. высоко ценил научное наследие русских и советских языковедов. Соглашаясь с академиком Соболевским А.И., он также задается вопросом: «Соответствует ли количество действительных падежей числу внешних форм склонения?» [Виноградов В.В., 1947:169]; соглашается с выводами Потебни А.А. о том, что в форме «творительного» падежа искусственно объединены несколько падежных омонимов (омоформ), что «творительный» падеж является не одной грамматической категорией, а несколькими различными, которые генетически связаны между собой.

Рассматривая значения падежей, Виноградов В.В. вывел тезис о том, что синтаксическая сфера употребления и семантическое значение именительного, винительного и дательного падежей ясны и внутреннее единство указанных падежей не вызывает у него сомнений. А вот родительный, предложный и творительный падежи вызывают у него «тревогу», особенно творительный падеж.

Описывая творительный падеж, Виноградов В.В. указывает, что некоторые функции творительного падежа, выделяясь из системы других значений данного падежа, «тяготеют к другим грамматическим формам» [Виноградов В.В., 1947:171] (например: адвербиализация творительного времени: летом, зимой, вечером; творительного образа: грудь колесом, волосы дыбом; творительного сравнения: нестись стрелой и т.п.). Он писал: «Эволюция творительного падежа приводит не к образованию новых падежей имени существительного, а к возникновению... наречий» [Виноградов В.В., 1947:171] (например: днем, вечером, бегом, мигом). Однако, основные «значения творительного падежа удерживаются в рамках одной грамматической категории» [Виноградов В.В., 1947:171].

Что касается так называемого «предложного» падежа, то Виноградов В.В. соглашается с мнением других русских ученых (Шахматовым А.А., Богородицким В.А., Пешковским А.М. и др.), что в нем отмечается наличие двух падежей, а именно:

- изъяснительный (по терминологии Богородицкого В.А.): о доме, о лесе;
- местный (с предлогами в и на: в лесу, на дому).

Являясь аналитическими, эти формы употребляются с предлогами. По богатству функций их аналитическое, предложное употребление превосходит их синтаксическое употребление. Виноградов В.В. указывает, что в современном русском языке разные категории предложного падежа еще не «выкристаллизовались» [Виноградов В.В., 1947:169], а изучение так называемого «предложного падежа не отделимо от изучения значений предлогов и является задачей синтаксиса. Эта задача состоит в разграничении функций и определении «круга разных форм предложного падежа» [Виноградов В.В., 1947:173].

Особое место в учении Виноградова В.В. о падежах занимает проблема структуры «родительного» падежа. Анализируя его функции, он приходит к выводу, что в родительном падеже сталкиваются две грамматические категории, что объясняется с одной стороны, влиянием предлога, а с другой - «является остатком прошлых стадий языкового развития, в настоящее время близкими к наречиям» [Виноградов В.В., 1947:173].

В употреблении родительного падежа Виноградов В.В. выделил «четыре основных круга падежных значений» [Виноградов В.В., 1947:173], а именно:

I. Родительный определительный падеж (например: правила игры, стол красного дерева, мальчик лет десяти);

II. Количественно-определительный падеж (у имен существительных мужского рода, окончания -а и -у). Например: фунт табаку, купить хлеба. В его состав входит также количественный падеж после слов, которые обозначают обладание, наполнение (глаза полные слез).

С количественно-определительным падежом связаны отрицательные и отложительные значения родительного падежа со значением удаления, лишения, исключения (избегать опасности, опасаться заразы, неслышно ни стона).

Отложительные значения обнаружены в сочетании с предлогами от (от края до края) и с (с того берега). Сюда в качестве антонимов, примыкают формы того же падежа с достигательным значением (например: а) «Вот Углича достиг я» (Пушкин А.С.), искать места; б) ждать случая; в) слушаться совета), а также оттенок достигательного значения при предлогах: у, около, возле, подле.

III. Родительный падеж в причинно-целевом значении или в значении внутреннего основания с предлогами: из (из милости), из-за (из-за пустяков), от (похудеть от забот), с (с радости, со страху).

IV. Как пережиток, родительной даты (двадцать пятое марта 1935 года). В итоге Виноградов В.В. отмечает, что в родительном падеже полуслились две грамматические категории: собственно родительный и количественно-определительный падежи.

Подводя итоги описания падежной системы русского языка и ее анализа, Виноградов заключает, что в современном русском намечается восемь основных падежей: именительный, родительный, количественно-отделительный, дательный, винительный, творительный, местный и изъяснительно-предложный. Однако, по мнению Виноградова, эти восемь падежей в аналитическом, предложном употреблении превосходят их синтетические употребления как по богатству, так и по разнообразию функций.

Остаётся отметить, что Виноградов В.В. не только описал, зафиксировал сложившуюся русскую падежную систему, он аргументировано доказал наличие в ней не шести, а восьми падежей. Не исключено, что в недалеком будущем падежная система русского языка будет состоять из восьми падежей, как это виделось Виноградову В.В. Ведь всего 400 лет назад русская падежная система насчитывала всего четыре падежа.

Свое слово о русской падежной системе сказал языковед с мировым именем Якобсон Р.О. (его называли «лингвист №1») в статье « К общему учению о падеже. Общее

значение русского падежа» (1936), в которой он, по его собственным словам, попытался «вскрыть морфологические корреляции, составляющие систему современного русского языка» [Якобсон Р.О., 1985:139].

Для описания и анализа русских падежей он применил систему грамматических оппозиций. Эта система выделяет отношения двучленных оппозиций, в которых один член характеризуется наличием того или иного признака, а другой - его отсутствием.

Так, описывая русскую падежную систему, Якобсон Р.О. выделил три дифференциальных семантических признака, а именно:

- объёмность - необъёмность; этот признак указывает на предел участия предмета в действии, т.е. «на ограничение его объёма» [Якобсон Р.О., 1985:168];

- периферийность - непериферийность; этот признак «указывает на то, что соответствующее имя занимает в общем содержании высказывания периферийное положение», а непериферийный (полный) падеж «не сообщает, о каком положении идет речь» [Якобсон Р.О., 1985:152];

- направленность - ненаправленность действия; этот признак указывает направленность действия на предмет.

По признаку объёмности родительный падеж (объёмный) противопоставляется именительному и винительному, а предложный (также падеж объёма) - творительному и дательному.

По признаку периферийности творительный, дательный и предложный падежи (периферийные) противопоставляются именительному, винительному и родительному падежам (непериферийным, или полным).

В данном противопоставлении Якобсон Р.О. указывает, что различию между полными (непериферийными) и периферийными падежами, которое он назвал «позиционной корреляцией» [Якобсон Р.О., 1985:152], соответствует различие синтаксических («грамматических», абстрактных) и семантических падежей.

По признаку направленности винительный и творительный падежи («направленные») противопоставляются именительному и творительному («ненаправленным»).

Итак, по мнению Якобсона Р.О., русская падежная система обнаруживает ряд отношений, в которых падеж, имеющий определённый, данный признак, противопоставляется падежу, лишённому этого признака, при том, «признак всегда отрицателен, признаковая... иерархия снижает ранг предмета» [Якобсон Р.О., 1985:167].

Таким образом, именительный падеж является полностью беспризнаковым по отношению к прочим признаковым, т.е. к трём однопризнаковым (родительному, винительному, творительному) и двум двухпризнаковым (дательному - направленность и периферийность и предложному - объёмность и периферийность).

Но предложенная Якобсоном Р.О. схема противопоставлений подвергается критике, так как она является слишком жёсткой и противоречит фактам конкретных языковых наблюдений [Кондрашов Н.А., 2006:139].

Кстати, сам Якобсон в заключении пишет: «Ни одно из склоняемых слов не реализует посредством своих падежных окончаний всю систему падежных противопоставлений русского языка» [Якобсон Р.О., 1985:169].

Проблемы падежей рассматривались и в рамках одного из направлений лингвистики, так называемого «падежной грамматики» («ролевой грамматики»), которая является своего рода семантическим вариантом трансформационной грамматики.

Одним из представителей этого направления является американский лингвист Филлмор Ч. (1929). В своих работах «Дело о падеже» (1967) и «Дело о падеже открывается вновь» (1968) он рассматривает проблемы падежей в рамках именно падежной грамматики. Здесь следует отметить, что падежная грамматика признает свою преемственность

в отношении европейских языков.

Приступая к исследованию проблем падежей, Филлмор Ч. подверг анализу состояние «падежных проблем» на данном этапе развития лингвистики. Он утверждал, что в рамках традиционных работ падежи изучались в «более или менее семантических терминах» [Филлмор Ч., 1981:376], а в современных исследованиях были сделаны попытки рассмотреть падежные системы конкретных языков, исходя из слова «система» [Филлмор Ч., 1981:376]. Он подверг критике взгляды других лингвистов, таких как Есперсен О., Якобсон Р.О., Гроот.

Начинает непосредственно изучение проблемы Филлмор Ч. с постановки вопроса об определении самого термина «падеж». Он указывает, что при интерпретации данного термина нужно учитывать наличие «поверхностных» и «глубинных» структур и различия между ними.

Филлмор Ч. пишет, что «под термином падеж понимается глубинная синтактико-семантическое отношение, а под термином падежная форма - выражение падежного отношения в конкретном языке» [Филлмор Ч., 1981:399-400].

Падежи традиционной грамматики Филлмор Ч. рассматривает как результат морфологической реализации глубинного падежа. Он утверждает, что «объяснительная ценность универсальной системы глубинных падежей заключается в их синтаксической, а не просто в морфологической природе» [Филлмор Ч., 1981:400]. Филлмор Ч. предлагает построить некую теорию глубинных падежей, которая могла бы объяснить соотношение между глубинными и поверхностными падежами и их функциями, а именно: почему одни и те же функции могут выполняться разными поверхностными падежами, тогда как один и тот же поверхностный падеж может выражать разные значения. Об этом Филлмор Ч. пишет так: «Система поверхностных падежей может соотноситься с набором глубинных падежей разными способами. Два глубинных падежа могут представляться в поверхностной структуре одинаково, как, например прямые дополнения типа Д [датель] и О [объектив], которые во многих языках представляются «винительным» падежом (решающим фактором при этом может быть то, что на каком-то шаге трансформационного вывода они окажутся непосредственно следующими за глаголом). А [аккузатив] и Д [датель] также могут выражаться одной и той же поверхностной формой, где решающим фактором оказывается ассоциирующаяся с этими падежами одушевленность. Или же поверхностная форма падежного элемента может определяться идеосинкретическими свойствами управляющего им слова» [Филлмор Ч., 1981:417].

В своей концепции падежных отношений Филлмор Ч. ведущую роль отводит глаголу, его способности сочетаться с определенными падежами: «Предложение в своей глубинной основе трактуется как состояние глагола и одной или более именных групп, каждая из которых связана с глаголом определенным падежным отношением» [Филлмор Ч., 1981:400]. При этом Филлмор Ч. подчеркивает, что в этих отношениях глаголы отличаются не только падежными рамками, но они отличаются и своими трансформационными свойствами.

Количество и состав падежей, критерии их выделения - это один из самых сложных вопросов в грамматике. Так Филлмор Ч. подчеркивает, что «особенно мучительные вопросы о числе и разнообразии падежей» [Филлмор Ч., 1981:529].

Вопрос о количестве падежей решается многими учеными. Здесь следует отметить замечание Филлмора о том, что «не каждый лингвист думает об охвате всех возможных альтернатив» [Филлмор Ч., 1981:517], и поэтому каждый из них пришел к «своему» списку падежей. Так, Андерсон предлагает список из трех падежей («номинатив», «эргатив», «локатив»), а Р.Д. Ван Валин - всего из двух падежей (1993). Это «макророли» Актора и Претерпевающего. Свою систему Ван Валин строит на основе классификации глаголов,

в котором каждому глаголу приписываются определенные семантические роли - это роль «первого яруса», второй ярус семантических ролей - это макророли: «Актор (Actor) и Претерпевающий (Undergoer)» [Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А., 2006:287-288].

Мартин У. предложил (1972) систему из десяти падежей, которая основана на выделении стольких глубинных падежей, сколько существует поверхностных.

Кук У. в книге «Падежная грамматика» (1974) предлагает падежную систему из пяти падежей, а Чейф У. в работе «Значение и структура языка» (1971) - семь.

Филлмор Ч. определил систему падежей, предложенную Мартином У. (десять падежей), как самую длинную, тогда как Апресян Ю.Д. предлагает двадцать пять падежей («Лексическая семантика», 1974). Смыслы падежей, значение их функций, по определению Филлмора Ч., «образуют набор некоторых... понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него: - суждений о вещах такого рода как: «кто сделал нечто», «с кем нечто случилось», «что подверглось некоему изменению» [Филлмор Ч., 1981:405].

Итак, Филлмор Ч. предлагает падежную систему из шести падежей:

Агентив (А) - падеж, который идентифицируется глаголом, как действующее лицо (обычно одушевленное);

Инструменталис (I) - падеж, который определяет причину действия (неодушевленная сила или предмет);

Датив (D) - падеж, одушевленного существа, затронутого выраженным глаголом действия;

Фактитив (F) - падеж, представляющий предмет или существо, которое создано действием (потом переименованный Филлмором в падеж цели) Локатив (L) - падеж, характеризующий место положения события или состояние, называемое глаголом;

Объектив (O) - семантически нейтральный падеж чего-либо, обозначающее существительным и бывает «у названия вещей, которое затрагивается состоянием или действием, идентифицируемым глаголом» [Филлмор Ч., 1981:406].

Предложив эту падежную систему, Филлмор Ч., как будто усомнился в ней, и заметил: «Наверняка нам понадобится и другие падежи. В дальнейшем мы будем предлагать дополнения к приведенному списку» [Филлмор Ч., 1981:406], а необходимость такого дополнения подтверждает в своей работе «Дело о падеже открывается вновь» (1968), который пишет, что «инвентарь падежей... не идентичен полному набору понятий, необходимых для анализа любой ситуации или события» [Филлмор Ч., 1981:525].

Категория падежа, проблема классификации, их функций были рассмотрены и выдающимся польским лингвистом Е. Куриловичем. В статье «Проблемы классификации падежей» (1949) он, анализируя функции падежей, определил их как первичные и вторичные. Он писал, что «можно говорить о первичной функции аккузатива - в роли прямого дополнения - и о ряде вторичных функций: аккузатив цели..., протяженности, цены и т.д. Условия употребления аккузатива во вторичной функции всегда могут быть определены. Условия эти - контекст... и главным образом семантическое содержание глагола» [Курилович Е., 1962:184].

При том Курилович Е., пользуясь терминологией Бюллера, утверждает, что первичная функция «обусловлена в системе», а вторичная функция «обусловлена в поле» [Курилович Е., 1962:184]. По первичной функции грамматические падежи являются синтаксическими, а их вторичная функция - наречная; первичная функция конкретных падежей - это наречная функция, а вторичная - синтаксическая.

Анализируя первичные и вторичные функции падежей, их сущность и иерархию, Курилович Е. разработал свою схему классификации падежей.

одного падежа язык будет считаться беспадежным. А сколько падежей необходимо? На этот вопрос ученые отвечают по разному. Нет общего мнения у лингвистов и по вопросу критериев, по которым выделяются падежи, по их функциям. Значит, эти вопросы требуют решения и ждут своих исследователей.

Однако, несмотря на то, что обозначенные вопросы нельзя считать решенными, падежные системы живут в языках и функционируют. А категория падежа, являясь одной из главных, изучается, и ее изучение имеет общелингвистическое значение, а достижения - практическое применение. Учение о падеже является составной частью языкознания и с его помощью решаются многие языковые проблемы, а именно: при выработке языковой политики; при подготовке языковых реформ; при разработке машинного перевода и рациональных методов преподавания языков (как родного, так и иностранных). Результаты исследований используются при описании языков, так как описание языка начинается с описания по формальным признакам. Кроме того, с помощью падежной грамматики были описаны многие языки на семантическом уровне, а также ее достижения использовались в создании «искусственного интеллекта» (так называемая «семантика фреймов»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова Т.А. - Из истории лингвистики XX. Структурно-функциональное языкознание (истоки, направления, школы). - М.: ЧеРо, 1999, с. 47-56.
2. Ахманова О.С. - Словарь лингвистических терминов. - Изд. 4-е, стереот. - М.: КомКнига, 2007.
3. Березин Ф.М. - История лингвистических учений. - М.: Высшая школа, 1984, с.201-204.
4. Виноградов В.В. - Русский язык. Грамматическое учение о слове, -М., Л.: Гос. уч.- пед. изд. Мин. Проев. РСФСР, с.57, с.167-177.
5. Есперсен О.- Философия грамматики.- М.: УРСС, 2002,с. 198-215.
6. Кацнельсон С- Послесловие// Семантико- грамматическая концепция У.И. Чейфа. - М.:Прогресс, 1975, с. 407-427.
7. Кондрашев Н.А. - История лингвистических учений. - М.: КомКнига, 2006, с. 138-139, с. 207-208.
8. Курилович Е. - Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. - М.: Изд. иностр. лит., 1962, с. 175-203.
9. Лайонз Дж. - Введение в теоретическую лингвистику. - М.: Прогресс, 1978, с. 305-322
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. - М.: Советская энциклопедия, 1990, с. 355-357
11. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.А. Кобозевой и И.А. Секериной. - М.: Едиториал УРСС, 2006
12. Филлмор Ч. - Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.:Изд. иностр. лит., 1981, вып.10, с. 369-495.
13. Филлмор Ч. - Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Изд. иностр. лит., 1981, вып. 10, с. 496-530.
14. Якобсон Р.О. - К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Избранные работы. - М.: Прогресс, 1985, с. 133-174.

KUZMINA I.A.

THE MAIN IDEAS AND PROBLEMS OF CASE GRAMMAR IN THE LANGUAGES WITH DEVELOPED MORPHOLOGICAL STRUCTURE

As in any science, there are questions and problems in linguistics, which enter into polemics in the scientific world. The problem of cases is one of them. The studies of the linguists of the XXth century are analysed in the article. It covers the questions, which were the subject of their studies. They are as follows: the interpretation of the term «case», the number and the structure of cases, the criteria of their distribution, the functions of cases.

Key words: case grammar, developed morphological structure, interpretation of the term “case”, the number and structure of cases, the criteria of distribution of functions.